ISSN 0028-1263

НАУКА И ЖИЗНЬ

8
2009

● Десятикратное уменьшение численности населения Земли путём планового сокращения рождаемости предотвратит климатическую катастрофу ● Чтение художественной литературы — хорошая тренировка умения жить в обществе ● Некоторые специалисты предсказывают скорую смерть интернета — он может захлебнуться всё растущими потоками информации ● При покупке плавленого сырка главное — отличить сыр от «несыра»! ● Огромный корабль чинно наплывал на иллюминатор, постепенно закрывая собой весь обзор...

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История Александрийской библиотеки и Ипатии Александрийской — философа, математика и астронома. Эта женщина, в которой сочетались красота, разносторонность талантов, мудрость и мужество, была зверски убита христианами-фанатиками в 415 году н. э.

- Андрей Дмитриевич Балабуха

Андрей Дмитриевич Балабуха "Афина по уму, Гера по осанке, Афродита по красоте"

Писатель Андрей Дмитриевич Балабуха — историк по призванию. Результатом его «погружения» в прошлое стала готовящаяся к выходу книга "Пасынки истории, или Любимцы Клио". Откуда такое название? Автор поясняет: "Пасынки истории — потому что те, о ком пойдёт речь, ныне, как правило, напрочь забыты; в лучшем случае мы помним их имена, за давностью лет запамятовав, что же именно они совершили. Но в то же время все они — поистине любимцы музы истории Клио, щедро наделившей их многочисленными талантами, удивительными судьбами и славными деяниями". Такова героиня публикуемого эссе.

Один из знаменитых Фаюмских портретов, его предположительно считают изображением Ипатии.

ДОЧЬ ТЕОНА

Ослепительная красота в сочетании с разносторонностью талантов, глубокой мудростью и неколебимым мужеством прославили её ещё при жизни, а трагическая гибель превратила эту жизнь в легенду, сделав имя Ипатии нарицательным. История оказалась для неё жестокой мачехой: до нас не дошёл ни один из её научных трудов, а биографические сведения отрывочны и туманны. И всё-таки по ним можно восстановить образ и судьбу этой удивительной женщины.

Но сперва несколько слов о мире, в котором она жила.

Во второй половине IV столетия Рим, по-прежнему владычествовавший в Средиземноморье, содрогался, империя неуклонно сокращалась под всё более мощными ударами варваров. Сотрясали его и внутренние нестроения — узурпация власти, гражданские войны и религиозные распри. Всё болезненнее ныла ещё незримая, но уже вполне ощутимая трещина, которая под конец века приведёт к распадению гигантской империи на две — Западную, со столицей в Риме, и Восточную, со столицей в Константинополе. В этом, становившемся всё неуютнее, мире и родилась в 370 году девочка, которую, словно прозревая её высокое предназначение, нарекли Ипатией, что в переводе с греческого как раз и означает "высокая".

Благодаря отцу — видному математику, астроному и знатоку механики Теону-младшему Александрийскому — она с младых ногтей приобщилась к знаниям. Да и как иначе, если живёшь в самом их средоточии — в Александрии, крупнейшем культурном центре своего времени, ещё и в Мусейоне — храме муз, то есть наук и искусств, университете и Академии наук одновременно?

Правда, здешний золотой век давно миновал. Первый раз Мусейон, включавший, кстати, и знаменитую на весь мир Александрийскую библиотеку, горел давным-давно, ещё при Цезаре и Клеопатре. И хотя со временем число папирусных свитков и пергаментных кодексов не только пополнилось, но даже стало больше прежнего, многое всё равно оказалось утраченным безвозвратно. К тому же в III веке, при императоре Аврелиане, библиотека снова пострадала — сопровождавшие

кровавую междоусобицу пожары уничтожили почти весь квартал, где она находилась.

Когда вновь воцарился мир, остатки библиотеки (из более чем двух миллионов книг уцелело около семисот тысяч) перенесли в юго-западную часть города — в Серапейон, самый знаменитый и самый прекрасный из александрийских храмов. "Многочисленные внутренние дворики, окружённые колоннадами, тенистые аллеи, дышащие жизнью статуи, рельефы, фрески, — писал римский историк Аммиан Марцеллин, — всё это украшает Серапейон так, что после Капитолия, которым увековечивает себя достославный Рим, ничего более великолепного Вселенная не знает".

Увы, даже самый великолепный и почитаемый храм — всё-таки не крепость, и стены Серапейона не смогли послужить надёжной защитой.

ПАДЕНИЕ СЕРАПЕЙОНА

К тому времени Ипатии исполнился двадцать один год. Живо интересуясь отцовскими занятиями, она увлеклась геометрией и сызмала исчерчивала стилом вощёные таблички, доказывая теоремы, а в ясные ночи поднималась с Теоном на крышу, чтобы наблюдать звёзды. Обнаруживая незаурядные способности к механике, она не только любила подолгу смотреть, как работают ремесленники, но и сама мастерила инструменты для астрономических измерений. Немало времени проводила Ипатия и за книгами философов. Такая широта интересов, поразительная работоспособность, острота ума, глубокое понимание Платона и Аристотеля не могли не снискать ей уважения учёных Мусейона. И стоит ли удивляться, что ещё в шестнадцать лет она облачилась в тёмный плащ философа и обзавелась первыми учениками?

На фреске "Афинская школа" великий Рафаэль вывел Ипатию Александрийскую среди философов древности. Внизу — фрагмент этой картины.

Однако события внешнего мира властно вторгались в спокойное течение жизни за стенами Мусейона. В городе — как, впрочем, и в стране — царило странное двоевластие: императорский префект, вроде бы наделённый полномочиями, опирающийся на мечи и копья гарнизона, всё больше становился фигурой номинальной. Подлинным же владыкой мало-помалу делался архиепископ, формально никакой светской властью не облечённый. Парадоксальная эта ситуация складывалась постепенно в течение семидесяти лет — с тех пор, как Миланским эдиктом императора Константина I Великого в 313 году христианство было провозглашено одной из свободно исповедуемых религий. Многие ждали от этого события некоего волшебного изменения жизни, но чуда не произошло. Зато антагонизма добавилось: люди, сохранившие верность старым богам — античному пантеону, зороастризму или, скажем, митраизму, — любые беды и напасти приписывали торжеству новой религии, тогда как среди христиан всё чаще раздавались голоса, требующие полного искоренения язычества.

Голос архиепископа александрийского Феофила, прозванного в народе "христианским фараоном", звучал громче прочих. Настойчиво добивался он от императора Феодосия I Великого указа об уничтожении языческих храмов Египта: оглашённого недавно запрета поклоняться и совершать жертвоприношения идолам ему было мало. Наряду с религиозным рвением архиепископом двигал и прагматический расчёт: как и любая другая, его власть нуждалась в деньгах, и копившимся веками храмовым сокровищам надлежало пополнить его — и только его! — казну. А поскольку больше всего ценностей сосредоточилось в александрийском Серапейоне, с наибольшим усердием Феофил хлопотал при дворе о дозволении уничтожить именно его. И своего добился.

Утром предводительствуемая монахами толпа устремилась к Серапейону. И хотя на помощь защитникам поспешили многие горожане, возмущённые посягательством на красу и гордость Александрии, участь храма была решена — архиепископ хорошо подготовил нападение. Правда, обороняющиеся предприняли несколько отчаянных вылазок, но уже к полудню сады, дворики и залы Серапейона заполонила разъярённая толпа. Обуреваемые духом разрушения фанатики крушили всё: разбивали статуи, выламывали двери, портили фрески… А тем временем несметные храмовые сокровища под надёжной охраной были переправлены во дворец Феофила.

Кто-то крикнул, что следует немедля уничтожить проклятые книги идолопоклонников, и толпа ринулась к библиотеке. С оружием в руках её попыталась защитить горстка учёных, но, даже окажись на их месте ветераны победоносных римских легионов, это ничего бы не изменило: слишком непомерен был перевес сил. Книги сбрасывали с полок, рвали, топтали; рукописи, за которые в свое время отдавали целые состояния, летели в костры. К вечеру Мусейон прекратил существование; Александрийская библиотек почти полностью была уничтожена.

Этот день Ипатия провела взаперти, под охраной преданных рабов. Но погибли ее брат и жених, поэт и философ Элладий (верность его памяти она сохранит до конца дней). Отец спасся буквально чудом — какие-то доброхоты подобрали его, раненого и потерявшего сознание, и под покровом ночи принесли домой, вверив дочерним заботам и уходу (в науке врачевания Ипатия тоже знала толк).

ШКОЛА ИПАТИИ

После разгрома Серапейона многие учёные навсегда покинули Александрию. Но Теон, оправившись от ран, выждал несколько месяцев, пока поулеглись страсти, и в собственном доме открыл частную школу, где принялся обучать желающих механике и астрономии. Он считал, что спасать надо не столько свитки, барельефы или фрески, сколько само представление о преемственности культуры и познания, о назначении науки и непреходящей ценности искусства. Вместе с отцом возобновила преподавание Ипатия.

Всё свободное время она проводила над книгами или совершенствовалась в искусстве наблюдать звёзды. Развивая идеи греческого астронома, математика и географа I века Клавдия Птолемея, Ипатия написала книгу комментариев и уточнений к его «Альмагесту», третьим, завершающим томом вошедшую в сочинения Теона, — этим дочь как бы ставила памятник покойному отцу, не успевшему закончить труд.

Ещё один комментарий Ипатия посвятила сочинениям Диофанта по геометрии, а следуя за Аполлонием Пергским, написала работу о конических сечениях — именно оттуда пришли в математику гипербола, парабола и эллипс. Об этом её вкладе в науку может сегодня судить каждый школьник. Впрочем, от преподавания математики Ипатия постепенно перешла ещё и к

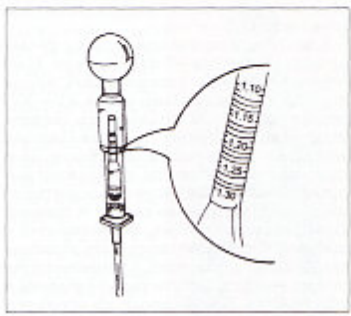
чтению лекций по философии. Её толкования Платона и Аристотеля поражали обстоятельностью и глубиной. Она относила себя к неоплатоникам, но её строгий, подчинённый законам математики мир чисел и геометрических фигур был далёк от мистических озарений других философов этой школы. С не меньшим блеском читала Ипатия и лекции о Гомере или греческих трагиках. Казалось, в этой молодой женщине воплотилась вся мудрость прошлого.

На части лунной карты показан район с кратером Ипатии.

Когда ты предо мной и слышу речь твою,
Благоговейно взор в обитель чистых звёзд
Я возношу — так всё в тебе, Ипатия,
Небесно — и дела, и красота речей,
И чистый, как звезда, науки мудрой свет…

— обращался к ней Паллад Александрийский, один из последних блистательных поэтов эллинистического мира. Слава её школы распространилась по всему культурному миру. Быть учеником Ипатии считалось честью, и жаждущие знаний стекались в Александрию отовсюду. Были среди них и христиане — один из ёе любимых учеников, Синесий, ставший вскоре епископом птолемаидским, даже богословские труды выпускал в свет лишь с одобрения Ипатии. Некоторое время учился у Ипатии её будущий убийца — племянник архиепископа Феофила Кирилл.

Посещать дом Ипатии вошло в моду — вокруг неё собирался весь цвет учёной Александрии, нередко бывал тут и префект Орест. Между тем время отнюдь не способствовало занятиям науками. Даже математика вызывала подозрения: в церквах нередко молили Господа обрушить гнев на головы "математиков, колдунов и прочих злодеев". Астрономия, кстати, считалась в те времена разделом математики — звездочётов именовали математиками даже в официальных документах. В 409 году императоры Гонорий и Феодосий II издали специальный закон, которым всем математикам вменялось в обязанность явиться к епископу, отречься от богопротивных взглядов, предать огню списки своих заблуждений и поклясться впредь блюсти христианскую веру. Тех, кто отказывался отрекаться и каяться, предписывалось изгонять из Рима и прочих городов. Осмелившихся же нарушить это установление или под прикрытием ложной клятвы продолжавших тайком заниматься своей профессией надлежало карать безо всякого милосердия.



Философ, математик, педагог, Ипатия занималась и практическими делами. Здесь показаны лишь три прибора, ею

созданные: бронзовая астролябия, планисфера (в современном исполнении) и ареометр (схематическое изображение).

По счастью, Ипатия не пострадала: даже архиепископу Феофилу льстило, что в его городе существует школа, равной которой нет ни в Риме, ни в Константинополе. Александрийцы вообще не прочь были порассуждать о том, что былая слава Афин закатилась и ныне они вправе гордиться лишь душистым аттическим мёдом, тогда как здесь блистает Ипатия и весь Египет питается её посевом.

ТРУДЫ И БЕСПОКОЙСТВА

Помимо теории занималась Ипатия и делами практическими. Александрия была самым крупным портом Средиземноморья; в её гаванях — Западной (или Эвносте, что означает "Счастливого плавания"), Киботе (названием обязанной прямоугольной форме — в переводе это просто "Ящик"), а также Восточной, делящейся в свою очередь на Большую и Малую, — собиралось такое число судов из разных стран, какого даже в пору расцвета не видывали ни гордые Афины, ни златокипящий Карфаген. Можно сказать, что город, осенённый вознёсшейся на 120 метров трёхъярусной башней Фаросского маяка, в немалой мере жил морем. Под карнизом, венчающим первый ярус великого творения зодчего Сострата из Книда, сверкала золотом надпись: "Богам-спасителям для спасения мореплавателей". По его примеру Ипатия решила принести мореходам собственный дар.

Изобретённый ею прибор получил название астролябии. Он представлял собой бронзовый диск диаметром около 15 см с нанесёнными по окружности градусными делениями и небольшой ручкой-кольцом для подвешивания на палец. На оси диска крепилась вращающаяся линейка-алидада с двумя прорезями-диоптрами. Вплоть до XVIII века моряки всех стран вычисляли местонахождение судна с помощью астролябии, определяя высоту светил над горизонтом.

Для нужд астрономов Ипатия создала другой прибор — планисферу. С её помощью можно рассчитывать время восхода и захода светил; ещё в XV–XVI веках планисферой пользовались, скажем, такие великие учёные, как поляк Николай Коперник или датчанин Тихо Браге. Да и сейчас промышленность продолжает выпускать этот прибор. Впрочем, и другие её изобретения

исправно служат и поныне. Пузырьковый уровень, позволяющий с высокой точностью определять горизонтальность поверхностей, применяется где угодно — от строительства до геодезии и топографии. Поплавковый же ареометр, с помощью которого определяется плотность жидкостей, знаком, в частности, всякому водителю.

Увы, пользуясь всем этим, мало кто вспоминает Ипатию — такова уж судьба большинства изобретателей. И трудно сказать, автором каких ещё инструментов и приборов, прекрасно известных многим из нас, являлась эта удивительная женщина — современники утверждают, что число её изобретений перевалило за дюжину…

Среди исторических образов, созданных современным скульптором Алексеем Леоновым, есть и бюст Ипатии.

Однако не только этим ограничивался горизонт Ипатии. Умирая, отец взял с нее слово, что во имя науки она никогда не будет вмешиваться в распри правителей и не даст вовлечь себя в междоусобицу. Её миссия в другом — всеми силами оберегать немногие оставшиеся ростки знаний, чтобы их окончательно не вытоптали орды варваров или фанатичных монахов. Долгие годы Ипатия так и жила, храня невозмутимость среди разгула политических и религиозных страстей. Она не отменяла лекций даже в те дни, когда искусные подстрекатели провоцировали кровавые столкновения на улицах, а благоразумные горожане не высовывали из дому и носа. Под шум уличных беспорядков она толковала идеи Платона, а в ночи поджогов ее видели у астрономических приборов.

Но чем больше возрастала слава Ипатии, тем чаще обращались к ней за советом и в делах, не имеющих касательства к философии, математике или астрономии. С нею обсуждал свои государственные заботы префект Орест — и значит, её мысль и слово косвенным образом могли отзываться на жизни Александрии и всего Египта. Потом её избрали в городской совет — отказаться Ипатия не смогла, хотя понимала, что нарушает данное когда-то отцу слово. Всё это наполняло душу тревогой и недобрыми предчувствиями…

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

После смерти в 412 году архиепископа Феофила главой Александрийской церкви был избран (точнее, он силой захватил это место) племянник покойного, Кирилл. Вместе с епархией он унаследовал и многие дядюшкины свойства — как добрые, так и дурные. В вере он оставался твёрд, в личной жизни — безупречен; однако перенял не только Феофилову жажду власти, но и его неразборчивость в средствах. Даже церковные биографы отмечают, что сей пастырь (впоследствии, заметим, причисленный к лику святых) "был <…> предрасположен более к честолюбию и стяжательству, чем ко святости".

Первыми, за кого взялся Кирилл, были новатиане — последователи названной по имени римского священника III века Новатиана христианской секты, отпавшей от церкви в 250 году, во времена императора Деция. Люди суровых жизненных правил, они собрали в своих храмах немалые богатства. Со свойственным ему красноречием (уроки Ипатии не пропали даром!) Кирилл произнёс зажигательную проповедь, и толпа ярых его приверженцев бросилась на новатиан. Их церкви были опустошены и закрыты, а деньги, драгоценная утварь и всё имущество новатианского епископа оказались в руках Кирилла.

Дальше — больше. Издавна в Александрии жило немало иудеев. Не желая мириться с тем, что изрядная да ещё и довольно богатая часть населения остаётся вне его власти, архиепископ принялся разжигать вражду христиан к иудаистам. В городе участились стычки, всё яростней звучали взаимные упрёки; начались ночные поджоги, по утрам на улицах находили убитых…

Однажды на рассвете сам Кирилл во главе вооружённой толпы направился в иудейские кварталы, дабы раз и навсегда очистить город от "врагов веры". Опустошались синагоги, подвергались разграблению меняльные конторы, ювелирные мастерские, склады, лавки и частные дома. В итоге всё иудейское население — десятки тысяч человек — было изгнано из Александрии, а казна Кирилла заметно пополнилась награбленным.

Возмущённый префект написал в Константинополь, донося о происшедшем императору. Однако жалоба эта мало озаботила Кирилла: послав кому следует щедрые подношения, он по-своему истолковал события и свалил всю вину на самих же иудеев. Тем не менее позиция, занятая префектом, раздражала: Оресту следовало бы понять, кто настоящий хозяин Александрии, смириться и не беспокоить двор никчёмными жалобами. Чтобы преподать префекту предметный урок, Кирилл натравил на него фанатиков-монахов, которые чуть было не расправились с Орестом (по счастью, тот отделался только раной). Схваченный на месте преступления монах Аммоний был казнён, однако тут же демонстративно причислен Кириллом к лику мучеников под именем Таумасия ("Чудесного").

Убийство Ореста в планы Кирилла не входило: ничего, кроме вреда, оно бы не принесло. Отношения с константинопольским двором, и без того достаточно натянутые, лишь обострились бы до крайности, а на место убитого префекта прислали бы другого, может быть ещё менее сговорчивого. Но продолжать давление было необходимо.

Это соображение и решило участь Ипатии, которую многие в городе почитали ближайшей советчицей и другом префекта. В марте 415 года, в великопостный день, когда она возвращалась домой, неподалёку от стоящей на набережной церкви Кесарион дорогу ей преградила разъярённая толпа. Ипатию стащили с носилок, швырнули на землю, поволокли к церкви. Там — в священном для каждого христианина месте! — монахи сорвали с неё одежды и острыми краями устричных раковин заживо сняли с женщины кожу. Потом мёртвое тело выволокли на площадь, где был заранее разожжён огромный костёр, расчленили останки и бросили в пламя. О словах Иисуса из Нагорной проповеди: "Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю" — никто из христиан как-то не вспомнил. Увы, давно известно: гонимые, обретя власть и силу, становятся самыми озверелыми гонителями — примеров тому в истории не счесть.

Страшная весть сломила Ореста. Он даже не рискнул послать в Константинополь доклада о случившемся: по словам летописца, убийство Ипатии "угасило вражду" между архиепископом и признавшим поражение префектом…

Икона "Святой Кирилл Александрийский".

Как писал современник этих событий, весьма осторожный церковный историк Сократ Схоластик, убийство Ипатии "навлекло немало позора и на Кирилла, и на александрийскую церковь", хотя и не знаменовало собой прекращения вандализма: шестьдесят лет спустя, в 475 году, была сожжена богатейшая

библиотека (она же — университет) в самом Константинополе. Конечно, впоследствии христианский мир взрастил собственную культуру, благодаря Возрождению, кстати, включившую и остатки античного наследия. Вот только потребовались на это века….

БОРЬБА ЗА ИПАТИЮ

Живая Ипатия мешала многим, мёртвая — оказалась многим нужна.

Прежде всего, самим христианам. В X веке к лику святых причислили никогда реально не существовавшую Екатерину Александрийскую: её житие до деталей повторяет судьбу Ипатии, только дочерью она была не астронома Теона-младшего, а царька ликийского города Ксанфа и растерзали её конечно же не добрые христиане, а их подлые и жестокие гонители-язычники… Эта посмертная кража судьбы пусть и не столь жестока, но не менее отвратительна, нежели убийство, ибо искореняет память о подлинном, подменяя её мифом. И вообще, язычница Ипатия, на мой взгляд, куда более достойна приобщения к лику святых, чем Екатерина — её бледная агиографическая тень.

В эпоху Просвещения Ипатия стала символом укора религиозному фанатизму — именно так писали о ней французы Вольтер и Леконт де Лиль. Английский просветитель XVIII века Джон Толанд говорил, что Ипатия — "добродетельнейшая, учёнейшая и достойнейшая дама, разорванная на куски александрийским духовенством, чтобы удовлетворить гордость и жестокость своего архиепископа". Ей посвящали романы (на русский язык переведены два — немца Фрица Маутнера и англичанина Чарлза Кингсли), её писали художники и ваяли скульпторы. Её именем назван кратер на видимой стороне Луны, неподалёку от Моря Спокойствия. И всё-таки это капля в море: о каких-нибудь второстепенных политиках и военачальниках понаписано, к стыду нашему, гораздо больше…

В XX веке феминистки провозгласили Ипатию родоначальницей и символом своего движения.

Всяк стремился увидеть в ней своё. Сама же Ипатия просто стремилась к совершенству. "Афина по уму, Гера по осанке, Афродита по красоте" — так писали о ней при жизни. Увы, людское совершенство слишком редко выдерживает столкновение с несовершенством мира…

--

"Наука и жизнь" N 8, 2009.
рубрика "Исторические портреты"